

Д. И. Писарев

Сочинения

Том 4-6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. И. Писарев**
Сочинения: Том 4-6 / Д. И. Писарев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 920 с.

ISBN 978-5-517-97662-8

ISBN 978-5-517-97662-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лезный и увлекательный трудъ, но не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу и къ чему приспособить свои силы. Тѣ люди, которые, по своему положенію, могутъ и, по своему личному характеру, желаютъ работать умомъ, должны расходовать свои силы съ крайней осмотрительностью и расчетливостью; то-есть, они должны браться только за тѣ работы, которыя могутъ принести обществу дѣйствительную пользу.—Такая экономія умственныхъ силъ необходима вездѣ и всегда, потому что человѣчество еще нигдѣ и никогда не было настолько богато дѣятельными умственными силами, чтобы позволять себѣ въ расходованіи этихъ силъ малѣйшую расточительность. Между тѣмъ расточительность всегда и вездѣ была страшная, и оттого результаты до сихъ поръ получались самые жалкіе. У насъ расточительность также очень велика, хотя и расточать-то намъ нечего. У насъ до сихъ поръ всего какой-нибудь двугривенный умственного капитала, но мы, по нашему извѣстному молодечеству, и этотъ несчастный двугривенный ставимъ ребромъ и расходуемъ безобразно. Намъ строгая экономія еще необходимѣе, чѣмъ другимъ, дѣйствительно образованнымъ народамъ, потому что мы въ сравненіи съ ними—нищіе. Но, чтобы соблюдать такую экономію, надо прежде всего, уяснить себѣ до послѣдней степени ясности, что полезно обществу и что бесполезно. Вотъ тутъ-то, надъ этимъ уясненіемъ и должна работать литература. Мнѣ кажется, что мы начинаемъ чувствовать необходимость умственной экономіи и стремимся уяснить себѣ понятіе настоящей выгоды или пользы. Въ этомъ и заключается то самостоятельное направленіе мысли, которое, по моему мнѣнію, вырабатывается въ современномъ русскомъ обществѣ. Если это направленіе разовьется, то заколдованный кругъ будетъ пробитъ. Экономія умственныхъ силъ увеличить нашъ умственный капиталъ, а этотъ увеличенный капиталъ, приложенный къ полезному производству, увеличить количество хлѣба, мяса, одежды, обуви, орудій и всѣхъ остальныхъ вещественныхъ продуктовъ труда. Обязанность развивать это направленіе и пробивать съ этой стороны заколдованный кругъ лежитъ цѣликомъ на нашей литературѣ, потому что въ этой сферѣ литература можетъ дѣйствовать самостоятельно.

II.

Экономія умственныхъ силъ есть не что иное, какъ строгій и послѣдовательный реализмъ. «Природа—не храмъ, а мастерская,—говоритъ Базаровъ,—и человѣкъ въ ней работаетъ». Рахметовъ видится только съ тѣми людьми, съ которыми ему «нужно» видѣться; онъ читаетъ только тѣ книги, которыя ему «нужно» прочесть; онъ даже ѣстъ только ту пищу, которую ему «нужно» ѣсть, для того чтобы поддерживать въ себѣ физиче-

скую силу; а поддерживаетъ онъ эту силу также потому, что это кажется ему «нужнымъ», то-есть потому, что это находится въ связи съ общей цѣлью его жизни. Особенность Рахметова состоитъ исключительно въ томъ, что онъ меньше другихъ честныхъ и умныхъ людей нуждается въ отдыхѣ; можно сказать, что онъ отдыхаетъ только тогда, когда спитъ. Вся остальная часть его жизни проходитъ за работой, и вся эта работа клонится только къ одной цѣли: уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ наслажденій. Къ этой цѣли клонились всегда, сознательно и бессознательно, прямо или косвенно, всѣ усилія всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, всѣхъ мыслителей и изобрѣтателей. Чѣмъ сознательнѣе и прямѣе дѣятельность человѣка направлялась къ этой цѣли, тѣмъ значительнѣе была масса принесенной имъ пользы; но къ сожалѣнію нервная система человѣка такъ устроена, что она не можетъ долго сосредоточивать свои силы на одной точкѣ. Если мы захотимъ долго держать руку или ногу въ одномъ и томъ-же положеніи, то мы почувствуемъ въ этой ногѣ или рукѣ утомленіе и наконецъ настоящую боль. Если мы будемъ долго смотрѣть на одинъ предметъ, то у насъ зарябитъ въ глазахъ. Если мы будемъ долго вдумываться въ одну и ту-же мысль, то умъ нашъ на нѣсколько времени откажется работать. Если мы будемъ проводить эту мысль во всѣ наши поступки, то наконецъ эта мысль начнетъ насъ тяготить, и мы почувствуемъ непреодолимую потребность отложить ее на время всторону и пожить хоть нѣсколько часовъ безцѣльной жизнью. У Рахметова эта потребность возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то есть, можетъ втеченіи своей жизни сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрять умственные силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. Рахметовъ можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины, или хорошей музыкой, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него есть только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполне успѣшно размышлять. Но и это наслажденіе служитъ ему только средствомъ: онъ куритъ не потому, что это доставляетъ ему удовольствіе, а потому, что куреніе возбуждаетъ его мозговую дѣятельность. Еслибы онъ не заимчалъ въ этомъ куреніи осязательной пользы, онъ-бы отъ него отказался, не ради идеальнаго совершенства, а ради того, что не слѣдуетъ отвлекаться отъ настоящей цѣли. Ставить такого титана въ примѣръ читателю совершенно бесполезно. Это все равно, что совѣтовать читателю связать желѣзную кочергу въ узелъ или

открыть какой-нибудь мировой законъ, вродѣ пьютоновскаго тяготѣнія или дарвиновской теоріи естественнаго выбора. Мы — люди обыкновенные, и еслибы мы захотѣли выбросить изъ нашей жизни отдыхъ и чисто-личное наслажденіе, то мы сдѣлали-бы себя мучениками и кромѣ того повредили-бы даже общему дѣлу; мы-бы надорвались, мы-бы отняли у себя возможность принести ту малую долю пользы, которая соотвѣтствуетъ размѣрамъ нашихъ силъ; поэтому намъ не слѣдуетъ надуться, потому что до вола мы все-таки не доростемъ, а если лошнемъ, то вмѣсто экономіи окажется чпстый убытокъ. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имѣетъ права посылать васъ на работу; общее дѣло человечества подвигается впередъ не барщинной работой, и сгонять на этотъ трудъ лѣнивыхъ или утомленныхъ людей значить изображать суетливую муху, помогавшую лошадамъ вытаскивать въ гору тяжелый рыдванъ. Но когда вы, отдохнувши и насладившись вдоволь, сами, по собственной охотѣ, принимаетесь за работу, тогда общество, въ лицѣ каждаго изъ своихъ членовъ, тотчасъ получаетъ надъ вами право контроля и критики; оно произноситъ свой приговоръ надъ вашей дѣятельностью, и имѣетъ полное право выражать свое желаніе, чтобы тѣ силы, которыя добровольно отдаются на общепользное дѣло, дѣйствительно тратились тамъ, гдѣ онѣ необходимы. Когда вы отдыхаете, вы принадлежите самому себѣ; когда вы работаете, вы принадлежите обществу. Если-же вы никогда не хотите принадлежать обществу, если ваша работа не имѣетъ никакого значенія для него, тогда вы можете быть вполне увѣрены, что вы совсѣмъ никогда не работаете, и что вы проводите всю вашу жизнь подобно мотыльку, порхающему съ цвѣтка на цвѣтокъ. Мартышкинъ трудъ не есть работа. Если такой мартышкинъ трудъ производится вполне сознательно, то-есть, если трудящаяся личность сама понимаетъ свою бесполезность и сама говоритъ себѣ и другимъ: я трутень и хочу быть трутнемъ, потому что это мнѣ пріятно, тогда, разумѣется, не о чемъ и толковать, потому что неизлечимые больные не нуждаются ни въ дружескихъ совѣтахъ, ни въ медицинскон помощи. Но можно сказать навѣрное, что большая часть мартышкина труда производится въ каждомъ человѣческомъ обществѣ по чистому недоразумѣнію. Трудящаяся личность въ большей части случаевъ добросовѣстно и искренно убѣждена въ томъ, что она трудится для человечества и для общества; это обаятельное убѣжденіе придаетъ ей бодрость и вдохновляетъ ее во время труда; если вы поколеблете въ ней это убѣжденіе, у нея опустятся руки, и для нея настанетъ очень тяжелая минута разочарованія и унынія; но за этой минутой явится сильное стремленіе къ настоящей

пользѣ и крутой поворотъ къ какой-нибудь другой дѣятельности, достойной мыслящаго человѣка и добросовѣстнаго гражданина. Въ результатъ получится такимъ образомъ экономія умственныхъ силъ, и эта экономія будетъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ это можетъ показаться читателю съ перваго взгляда. Каждая личность дѣйствуетъ болѣе или менѣе на все, что ее окружаетъ; поворотъ къ реализму, происшедшій въ одной личности, даетъ себя чувствовать многимъ другимъ, и та-же самая особа, которая до своего обращенія могла своимъ примѣромъ и своими совѣтами сбить съ толку двухъ или трехъ молодыхъ людей, будетъ послѣ своего обращенія дѣйствовать на этихъ-же молодыхъ людей самымъ благотворнымъ образомъ, какъ покаившійся грѣшникъ можетъ дѣйствовать на человѣка, порывающагося согрѣшить и, главное, убѣжденнаго въ похвальности грѣха. Поэтому, я думаю, что наша литература могла-бы принести очень много пользы, еслибы она тщательнее подмѣтила и основательно разоблачила различные проявленія мартышкина труда, свирѣпствующаго въ нашемъ обществѣ и отравляющаго нашу умственную жизнь. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано; но вся задача, во всей своей цѣлости, чрезвычайно обширна, многія ея стороны совсѣмъ не затронуты, и вѣроятно пройдетъ еще много лѣтъ и потратится много усиленнаго труда, прежде чѣмъ общество начнетъ ясно сознавать свою собственную пользу. Пока не наступитъ это блаженное время русскаго благоразумія, литература должна постоянно держать ухо востро и выводить на свѣжую воду мартышкинъ трудъ, надвѣвающий на себя самыя разнообразныя личины и ежедневно сбивающій съ толку самыхъ добросовѣстныхъ людей, очень неглупыхъ и вполне способныхъ горячо полюбить полезную работу.

III.

Нашихъ реалистовъ упрекаютъ давно, и часто, и сильно въ томъ, что они не понимаютъ и не уважаютъ искусства. Упрекъ въ непониманіи несправедливъ; а что они не уважаютъ искусства—это вѣрно. Наши реалисты, какъ люди молодые и не вполне установившіеся, до сихъ поръ еще не опредѣлили съ достаточной ясностью свои отношенія къ искусству. Реальное направленіе нашей литературы вообще находится теперь въ переходной порѣ: оно перестало быть смутнымъ инстинктомъ, но не сдѣлалось еще строгимъ и отчетливо-сознательнымъ убѣжденіемъ. Многіе упреки противной стороны застаютъ нашихъ реалистовъ врасплохъ. Когда противники представляютъ имъ крайніе выводы, составляющіе естественный и логическій результатъ ихъ собственныхъ положеній, тогда наши реалисты часто конфузятся, дѣлаютъ шагъ назадъ и стараются оправдаться.

Само собою разумѣется, что такія колебанія вредятъ реальному направленію литературы, ободряютъ его противниковъ и даютъ имъ поводъ говорить поучительнымъ и покровительственнымъ тономъ разныя «жалкія слова» на ту печальную тему, что «молодо-зелено», и что всѣ нападки мальчишекъ на искусство и на науку происходятъ только отъ нежеланія учиться и отъ ребяческой наклонности ко всякому озорству. Всѣ уступки реалистовъ обращаются такимъ образомъ не только противъ ихъ общаго дѣла, но даже противъ ихъ отдѣльныхъ личностей. Эти уступки и колебанія безусловно вредны; но они въ то-же время могутъ служить намъ превосходнымъ доказательствомъ той истины, что нашъ теперешній литературный реализмъ не выписанъ изъ за-границы въ готовомъ видѣ, а формируется у насъ дома. У насъ нѣтъ готовой системы, изъ которой мы могли-бы брать для нашей защиты сильныя аргументы, придуманные какимъ-нибудь заграничнымъ учителемъ; мы въ этомъ отношеніи не похожи на гегелистовъ прошлаго поколѣнія; намъ приходится готовить каждый аргументъ своими домашними средствами; оттого дѣло идетъ у насъ не очень прытко, оттого мы иногда пятаемся и провпаемся, но это еще ничего не значитъ. Но конфузиться все-таки не годится, а уже сдѣланныя ошибки въ подобномъ родѣ слѣдуетъ исправлять для того, чтобы на будущее время обнаруживать, при столкновеніяхъ съ литературными противниками, больше достоинства, стойкости и сознательности. Года два тому назадъ наши литературные реалисты сильно опростоволосились, и этотъ случай такъ интересенъ и поучителенъ, что о немъ стоить поговорить подробно, для того чтобы опредѣлить разумныя отношенія настоящаго литературнаго реализма къ вопросу объ искусствѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1862 году. Въ февральской книгѣ «Русскаго Вѣстника» появляется романъ Тургенева: «Отцы и Дѣти». Романъ этотъ очевидно составляетъ вопросъ и вызовъ, обращенный къ молодому поколѣнію старшей частью общества. Одинъ изъ лучшихъ людей старшаго поколѣнія, Тургеневъ, писатель честный, написавшій и напечатавшій «Записки Охотника» задолго до уничтоженія крѣпостного права, Тургеневъ, говорю я, обращается къ молодому поколѣнію и громко предлагаетъ ему вопросъ: «Что вы за люди? Я васъ не понимаю, я вамъ не могу и не умѣю сочувствовать. Вотъ что я успѣлъ подмѣтить. Объясните мнѣ это явленіе». Таковъ настоящій смыслъ романа. Этотъ откровенный и честный вопросъ пришелся какъ нельзя болѣе въ-время. Его предлагала вмѣстѣ съ Тургеневымъ вся старшая половина читающей Россіи. Этотъ вызовъ на объясненіе невозможно было отвергнуть. Отвѣчать на него литературу было необходимо. — Это было-бы

превосходно, еслибы каждая идея, проводимая мыслящими людьми, проникала въ общество, перерабатывалась въ немъ и потомъ возвращалась-бы назадъ къ литераторамъ въ отраженномъ видѣ для повѣрки и поправки. Тогда умственная работа закипѣла-бы очень быстро, и всякія недоразумѣнія между литературой и обществомъ оканчивались-бы вполнѣ удовлетворительными объясненіями. Дурна или хороша была тенденція тургеневскаго романа — это все равно; для литературныхъ реалистовъ этотъ романъ былъ во всякомъ случаѣ драгоцѣннымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ идеи, и еще болѣе драгоцѣннымъ поводомъ къ обстоятельному объясненію съ читающей публикой. Но надо было именно говорить со всѣмъ русскимъ обществомъ, а не съ личностью Тургенева и ужъ во всякомъ случаѣ не съ литературной партией «Русскаго Вѣстника». *Надо* было совершенно отодвинуть въ сторону оцѣнку романа и сосредоточиться на разборѣ базаровскихъ идей даже въ томъ случаѣ, еслибы самъ Базаровъ былъ карикатурой. Но «Современникъ» поступилъ какъ разъ наоборотъ. Совершенно измѣняя добролюбовскимъ преданіямъ, онъ далъ своимъ читателямъ чисто эстетическую рецензію. Антоновичъ употребилъ всѣ силы своей діалектики на то, чтобы доказать, что романъ Тургенева плохъ, хотя публикѣ не было никакого дѣла ни до Тургенева, ни до его романа. Она хотѣла знать, что такое Базаровъ, и этотъ вопросъ имѣлъ для нея самое жизненное значеніе, потому что большая часть матерей, отцовъ и сестеръ видѣли въ своихъ дѣтяхъ и братьяхъ частицы или зародыши тѣхъ типическихъ особенностей, которыя сосредоточились и воплотились съ полной силой въ фигурѣ тургеневскаго нигилиста. «Если Базаровъ — карикатура, — рассуждала публика, — то объясните и представьте намъ въ настоящемъ свѣтѣ то явленіе жизни, которое вызвало эту карикатуру, и покажите намъ еще разъ ту идею, которая породила это явленіе. Если Базаровъ — живой человекъ, то растолкуйте намъ его, мы не понимаемъ, онъ насъ пугаетъ, и пугаетъ именно потому, что мы видимъ что-то непонятное и базаровское въ чертахъ характера многихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, отъ которыхъ намъ больно отрываться и съ которыми мы не умѣемъ свыкнуться». Но этотъ животрепещущій вопросъ, поставленный жизнью, не дошелъ до слуха критика, углубившагося въ проведеніе остроумной параллели между Тургеневымъ и Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ. Критикъ «Современника» не хотѣлъ объяснить публикѣ и даже самому молодому поколѣнію, какой смыслъ заключается для него въ Базаровѣ, изъ какой общей идеи выходятъ тенденціи его. Задача дѣйствительно была очень обширная, и для удовлетворительнаго ея разрѣшенія требовалось очень много ос-

торожности, хладнокровія и технической ловкости; надо было отказаться от всяких стремлений къ пафосу и къ полемической декламации. Надо было уяснить себѣ свою собственную мысль во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и затѣмъ изложить ее въ полной ясности самыми холодными, безстрастными и пожалуй даже безцвѣтными словами. Но критикъ написалъ статью чрезвычайно рѣзкую, напалъ на Тургенева съ неслышаннымъ ожесточеніемъ, уличилъ его въ такихъ мысляхъ и стремленіяхъ, о которыхъ Тургеневъ никогда и не думалъ, выдержалъ самую упорную борьбу съ несуществующими заблужденіями автора и затѣмъ, наполнивъ этимъ воинственнымъ шумомъ пятьдесятъ страницъ, оставилъ существенный вопросъ совершенно нетронутымъ. Съ Тургеневымъ критикъ расправляется очень бойко, но при встрѣчѣ съ тѣми людьми, которые считаютъ Базарова уродомъ и злодѣемъ, онъ совершенно умолкаетъ. Эти люди говорятъ, что Базаровъ дѣйствительно существуетъ, и что онъ—лютое животное, подобное тѣмъ эгоистамъ, для которыхъ Станицкій рекомендуетъ желѣзные кольца, продѣтая въ ноздри. А критикъ Тургенева говоритъ, что Базаровъ — карикатура, что Базаровъ не существуетъ, но что, еслибы онъ существовалъ, то конечно его надо было-бы признать лютымъ животнымъ. Это значитъ, что дама просто пріятная говорить о лапкахъ да о глазкахъ: «ахъ, пестро!», а дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ возражаетъ: «ахъ, не пестро!», но въ сущности обѣ дамы вполне согласны между собою въ томъ, что пестрое платье унижаетъ достоинство благовоспитанной губернской аристократки. Они спорятъ о фактѣ, и только объ одномъ фактѣ, и при этомъ критикъ тщательно скрываетъ то обстоятельство, что онъ совершенно расходится съ Дудышкинымъ, Заринымъ и Катковымъ въ самомъ принципѣ, на основаніи котораго произносится сужденіе о достоинствѣ факта. И онъ даже не останавливается на одномъ молчаніи; онъ робко и неясно произноситъ такіа слова, которыя совершенно не вяжутся съ основными идеями «Современника»; словомъ, онъ конфузится, теряется и доходитъ въ своей скромности или въ тонкости своей литературной дипломатіи до очевиднаго молчалинства, но все это благополучно сходитъ съ рукъ по милости воинственнаго экстаза, который составляетъ декорацию и направляется противъ личности Тургенева, какъ мыслителя, художника и гражданина. Базарова критикъ выдаетъ головой, и при этомъ онъ даже не осмѣливается отстаивать то живое явленіе, по поводу котораго былъ созданъ Базаровъ. Причина, которой онъ оправдываетъ свою робость, въ высшей степени любопытна: «пожалуй,—говоритъ онъ,—обличать въ пристрастіи къ молодому поколѣнію, а что еще хуже—станутъ укорять въ недостаткѣ самообличенія. Поэтому ну-

скай кто хочетъ защищаетъ молодое поколѣніе, только не мы» (стр. 93). Вотъ это очаровательно! Вѣдь защищать молодое поколѣніе значитъ, по настоящему, защищать тѣ идеи, которыя составляютъ содержаніе его умственной жизни и которыя управляютъ его поступками. Одно изъ двухъ: или критикъ самъ проникнуть этими идеями, или онъ ихъ отрицаетъ. Въ первомъ случаѣ защищать молодое поколѣніе значитъ защищать свои собственные убѣжденія. Во второмъ случаѣ защищать его невозможно, потому что человѣкъ не можетъ поддерживать ту идею, которую онъ отрицаетъ. Но критикъ, видите-ли, и радъ-бы защитить, да боится, что «его обличать въ пристрастіи». — Къ нему? — Къ собственнымъ убѣжденіямъ. Удивительное обличеніе! Умень долженъ быть тотъ господинъ, который выступить съ подобнымъ обличеніемъ, да и тотъ тоже недуренъ, кто боится такихъ обличителей. И зачѣмъ приводить такіе неестественные резоны? Просто не хватило умѣнья, и ничего тутъ нѣтъ постыднаго въ этомъ недостаткѣ наличныхъ силъ. Мы, люди молодые: поживемъ, поучимся, подумаемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшимъ тѣ вопросы, которые теперь быть-можетъ заставляютъ насъ становиться въ тупикъ. Но валить съ большой головы на здоровую все-таки не годится: Тургеневъ и Базаровъ во всякомъ случаѣ не виноваты въ томъ, что критикъ не умѣетъ защищать молодое поколѣніе и что роль перваго критика въ «Современникѣ» не соответствуетъ теперешнимъ размѣрамъ его силъ. А между тѣмъ за все, про все отдуваются именно Тургеневъ да Базаровъ. Чтобы доказать, что Базаровъ—гнусная карикатура и что Тургеневъ написалъ презрѣнный пасквиль, критикъ «Современника» рассуждаетъ такъ неестественно и пускаетъ въ ходъ такіа удивительныя натяжки, что читателю, знакомому съ романомъ «Отцы и Дѣти», приходится на каждомъ шагу обвинять и уличать критика или въ непонятливости, или въ нежеланіи понимать. Какъ объяснить себѣ напримѣръ такой пассажъ: «Главный герой романа съ гордостью и заносчивостью говоритъ о своемъ искусствѣ въ картежной игрѣ» (стр. 68). Это Базаровъ-то! Съ гордостью и заносчивостью! О преферансѣ и ералашѣ! Миѣ даже совѣстно становится за критика. «Потомъ г. Тургеневъ старается выставить главнаго героя обжорой, который только и думаетъ о томъ, какъ-бы поѣсть и попить» (стр. 69). Подумаешь, право, что этотъ г. Тургеневъ есть нѣчто вроде г. Бориса Федорова, пишущаго для какихъ-то воображаемыхъ дѣтей поучительные рассказы о жадномъ Васинкѣ и о воздержной Парашѣ. «Даже смотрѣть глупо», какъ говоритъ Щедринъ въ своемъ рассказѣ «Развеселое житье». Но еще глупѣе смотрѣть на то, какъ критикъ «Современника», умышленно или нечаянно, уро-

дуетъ сцену, происходящую передъ смертью Базарова. Вотъ это изумительное мѣсто: «герой, какъ медикъ, очень хорошо знаетъ, что ему остается до смерти нѣсколько часовъ; онъ призываетъ къ себѣ женщину, къ которой онъ питалъ не любовь, а что-то другое, непохожее на настоящую возвышенную любовь. Она пришла, герой и говоритъ ей: «Старая штука смерть, а каждому вновь. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство, и фюить! Ну, что-жь мнѣ сказать вамъ. Что я любилъ васъ? Это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что такая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая»... (Читатель дальше ясиѣ увидитъ, какой гадкій смыслъ заключается въ этихъ словахъ.) Она подошла къ нему поближе, и онъ опять заговорилъ: «Ахъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!»... (стр. 657). Отъ этого рѣзкаго и дикаго диссонанса теряетъ всякое поэтическое значеніе эффектно написанная картина смерти героя». Читатель конечно недоумѣваетъ и начинаетъ думать, что критикъ «Современника»—прекраснѣйшій критикъ, но только «ужъ очень строгъ на счетъ манеръ», подобно Матрѣѣ Марковиѣ, супругѣ Егора Капитоныча, изъ повѣсти Тургенева—«Затишье». Читатель никакъ не можетъ понять, гдѣ-же тутъ «гадкій смыслъ», и въ чемъ именно чуткое ухо эстетика уловило «рѣзкій и дикій диссонансъ»? Оказывается дальше, что критикъ оскорбленъ не какъ эстетикъ, а какъ моралистъ. «И у автора,—восклицаетъ онъ на стр. 73,—поворачивается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безконечной жизни послѣ того, какъ его самого эта любовь и мысль о безконечной жизни не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія съ своимъ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видома ея прелестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть. Очень мило!» Да ужъ такъ мило, что мнѣ этого мѣста не выдумалъ бы ни Заринъ, ни Щегловъ. Всякій обыкновенный читатель видитъ ясно, что Базаровъ хочетъ въ послѣдній разъ взглянуть на любимую женщину и въ послѣдній разъ сказать ей какое-нибудь ласковое слово. Можетъ-быть со стороны Базарова очень непохвально занимать свои мысли передъ самою смертью такими суетными привязанностями. Что-жь, думаетъ онъ, пускай посмотритъ. Пусть она ему улыбнется, пусть онъ увидитъ въ этой улыбкѣ тѣнь тихой грусти, пусть онъ выскажетъ ей словами или взглядами хоть что-нибудь изъ той горячей любви, которою переполнена была его молодая душа.

Такъ подумаетъ самый обыкновенный и са-

мый безхитростный читатель, тотъ самый читатель, который быть-можетъ на здороваго Базарова смотрѣлъ, какъ на злобнаго и опаснаго разрушителя. Такъ подумали навѣрное даже многіе изъ мудреныхъ русскихъ писателей, подобныхъ Баткову, Павлову, Скрятину и другимъ блюстителямъ литературнаго благочинія. Но критикъ «Современника» такъ переполненъ воинственнымъ жаромъ, что онъ ни на одну минуту не желаетъ сдѣлаться обыкновеннымъ и безхитростнымъ читателемъ. Онъ надѣваетъ на себя неестественную маску; онъ старается быть неумолимо строгимъ. Онъ проникаетъ въ мысли Базарова и усматриваетъ въ нихъ грѣховную нечистоту. Прежде всего онъ впускаетъ въ свой рассказъ нѣкоторыя невѣрности, которыя я, изъ вѣжливости, назову ошибками. Во-первыхъ, Базаровъ не призываетъ Одинцову, а только посылаетъ ей сказать, что онъ умираетъ. Одинцова прѣзжаетъ къ нему безъ всякаго зова. Базаровъ не ожидалъ ея; онъ едва могъ надѣяться на то, что она прѣдетъ, и вслѣдствіе этого онъ, увидя ее передъ собою, чувствуетъ такой избытокъ радости и благодарности, что не находитъ даже, какъ и о чемъ говорить съ нею. Сверхъ того онъ уже такъ плохъ, что въ присутствіи Одинцовой начинаетъ бредить и вообще съ трудомъ можетъ связывать мысли. Онъ, какъ больной ребенокъ, смотритъ на нее и видитъ, что она хорошая, и бормочетъ: «славная, красивая, молодая, свѣжая, чистая, въ гадкой комнатѣ». При этомъ онъ только съ мучительной ясностью чувствуетъ поразительный контрастъ между ея цвѣтущей жизнью и своимъ собственнымъ разложеніемъ. И тутъ, при всей его слабости, въ немъ не видно ни зависти, ни боязни. Какъ только Одинцова переступаетъ черезъ порогъ его комнаты, онъ говоритъ ей: «Не подходите; моя болѣзнь можетъ быть заразительна»; но Одинцова тотчасъ, по естественному движенію вѣжливости и неустрашимости, подходитъ къ самой его постели. Тогда онъ и говоритъ: «Ахъ, какъ близко!» Этими словами онъ хочетъ сказать: я—кусочекъ гнилого мяса. Мнѣ больно за васъ. Зачѣмъ вы, молодая, свѣжая, чистая, дышите зараженнымъ воздухомъ этой гадкой комнаты. И въ то-же время ему конечно въ высшей степени пріятно, что она его не боится, что она смотритъ на него ласково и безъ отвращенія, что она не бѣжитъ вонъ изъ гадкой комнаты, а особенно пріятно для него то, что она въ самомъ дѣлѣ хорошая и милая женщина, а не только «вдова души возвышенной, благородной и аристократической», какъ называетъ ее критикъ. Базаровъ мучительно счастливъ ея присутствіемъ и съ грустнымъ удовольствіемъ наслаждается ея простой и естественной гуманностью, потому что въ немъ шевелятся до самой послѣдней минуты высоко-человѣчныя и

строго разумныя мысли. И по поводу этого - то человѣка критикъ говоритъ о какомъ-то цекотаніи. Я даже не понимаю хорошенько, что именно онъ называетъ этимъ карательнымъ терминомъ. Во всякомъ случаѣ я нахожу, что мнѣ давно пора прекратить разговоръ объ этомъ предметѣ. Да, опростоволосились наши реалисты, опростоволосились до такой степени, что сочли нужнымъ поддерживать свое дѣло кричкотворной аргументаціей.

IV.

Наши умственные силы расходуются нерасчетливо—это не подлежитъ сомнѣнію, и въ признаніи этого факта сходятся между собою всѣ наши литературные органы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Гдѣ причина нерасчетливости? Когда приходится отвѣчать на этотъ вопросъ, тогда всѣ органы бросаются въ разсыпную и другъ друга побиваютъ величіемъ своей ерунды. Все это очевидно доказываетъ, что ясныхъ и неопровержимыхъ аргументовъ не представляетъ никто, что въ корень дѣла не заглядываетъ ни одинъ писатель, и что настоящая причина нашей умственной суеты остается неизвѣстной всѣмъ ея искателямъ и обвинителямъ. Еслибы кто-нибудь растолковалъ публикѣ, какъ дважды два—четыре, въ чемъ состоятъ важныя интересы ея умственной жизни, то противники этого «кто-нибудь» были-бы радикально побѣждены, потому что публика себѣ не врагъ и, стало быть, не будетъ обольщаться тѣмъ, что она разъ на-всегда признала для себя вреднымъ и невыгоднымъ. Поэтому указать на эти интересы и доказать, что они дѣйствительно существующія,—это, разумѣется, самая важная задача современной литературы. Пока эта задача не будетъ рѣшена вполне, до тѣхъ поръ и писателямъ придется работать ощупью, и публикѣ выбирать себѣ кусочки изъ груды ихъ произведеній—также ощупью. Ни одинъ писатель не рѣшится сказать, что онъ работаетъ для нанесенія вреда читающему обществу; ни одинъ не рѣшится также сказать, что онъ своей работой не приноситъ обществу ни малѣйшей пользы; стало быть, всѣ стремятся принести своимъ читателямъ пользу; между тѣмъ одни изъ нихъ дѣйствуютъ прямо на перекоръ другимъ. Еслибы читатели «однихъ» были моллюсками, а читатели «другихъ»—тарапанами, то, разумѣется, можно было-бы думать, что и «одни», и «другіе» говорятъ дѣло, потому что организація тарапана не похожа на организацію моллюска, и слѣдовательно умственные интересы этихъ двухъ породъ могутъ быть діаметрально противоположными. Но, къ сожалѣнію, и однихъ, и другихъ читаютъ все-таки несчастные люди, стало быть очевидно, или одни, или другіе врутъ и вредятъ, а легко можетъ быть и то, что врутъ и вредятъ какъ одни, такъ и другіе, потому что способы вранья

неисчислимы, между тѣмъ какъ истина двояться не можетъ. Стало быть, есть писатели, приносящіе чистый вредъ или по медвѣжьей услужливости, или по узкой корыстности *); первые ошибаются, вторые лицемерятъ. Первыхъ надо урезонить, вторыхъ надо разоблачить для того, чтобы они сдѣлались безвредными и неопасными. Чтобы произвести эти двѣ операціи, то-есть, чтобы радикально вычистить литературу, надо именно указать существенную пользу. Вполнѣ послѣдовательное стремленіе къ пользѣ называется реализмомъ и непременно обусловливаетъ собою строгую экономію умственныхъ силъ, то-есть постоянное отрицаніе всѣхъ умственныхъ занятій, не приносящихъ никому пользы. Реалистъ постоянно стремится къ пользѣ и постоянно отрицаетъ въ себѣ и другихъ такую дѣятельность, которая не даетъ полезныхъ результатовъ. Стало быть, строгій реалистъ соблюдаетъ въ самомъ себѣ и уважаетъ въ другихъ людяхъ строгую экономію умственныхъ силъ. Стало быть, разъяснить вполне значеніе реализма въ литературѣ—значитъ рѣшить самую важную задачу современной идеи и радикально очистить эту идею отъ ненужнаго сора и отъ бесплодныхъ полемическихъ волненій.—Но различныя недоразумѣнія могутъ укрыться въ самомъ словѣ «польза», и поэтому прежде всего необходимо разъяснить эти недоразумѣнія.—Человѣкъ одаренъ чувствомъ самохраненія. Онъ невольно и безсознательно любитъ свою жизнь и старается сохранить ее въ себѣ, какъ можно дольше. Такія крайности, какъ мотовство и скряжничество,—одинаково нерасчетливы, потому что при обоихъ способахъ дѣйствія жизнь даетъ меньше наслажденій, чѣмъ сколько она могла-бы дать при рациональномъ пользованіи. Дѣти такъ радикально предпочитаютъ пріятное полезному, то-есть непосредственное наслажденіе отсроченному, что, если посыпать сахаромъ ихъ молочную кашу и не размѣшать ее начальственной рукой, они непременно истребятъ сначала элементъ *пріятнаго*, то-есть чистый сахаръ, а потомъ уже, по необходимости и съ тяжелымъ вздохомъ, примутся за голую *пользу*, то-есть за кашу, которая однако была-бы гораздо вкуснѣе въ соединеніи съ *пріятностью*. Взрослые называютъ этихъ юныхъ эпикурейцевъ глупыми ребятигами и сами дѣлаютъ глупости гораздо болѣе крупныя. Напримеръ, далеко не всякій чиновникъ умѣетъ такъ распорядиться съ своимъ третнимъ жалованьемъ, чтобы въ началѣ трети не задавать неестественнаго форсу и въ концѣ трети не созерцать свои зубы, положенные на полку. Это значитъ—сначала облизалъ весь сахаръ, а потомъ лишилъ себя даже молочной каши. У кого хватаетъ предусмотрительности на четыре мѣ-

*) Въ концѣ концовъ и то, и другое сводится къ тупоумію.

сяца, у того может не хватить ей на два года. Сколько бывало примѣровъ, что на литературное поприще выступаетъ вдругъ блестящее молодое дарованіе; два-три успѣха быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ; опытные люди смотрятъ на него и радуются, но въ то-же время совѣтуютъ ему потихоньку: почитайте книжку; поучитесь, голубчикъ. Ей Богу, лучше будетъ. — Еще успѣю, говорить опъ, еще успѣю. — Успѣю, да успѣю, какъ вдругъ неожиданное фіаско постигаетъ юное дарованіе, которое, какъ падающая звѣзда, мгновенно скатывается съ неба и скрывается на заднемъ дворѣ какого-нибудь «Сына Отечества» или «Развлеченія», куда впрочемъ настоящія падающія звѣзды, сколько ни извѣстно, не заглядываютъ...

У.

Базаровъ съ первой минуты своего появленія приковалъ къ себѣ всѣ мои симпатіи, и онъ продолжаетъ быть моимъ любимцемъ даже теперь. Я долго не могъ себѣ объяснить причину этой исключительной привязанности, но теперь я ее вполне понимаю. Ни одинъ изъ подобныхъ ему героевъ не находится въ такомъ трагическомъ положеніи, въ какомъ мы видимъ Базарова. Трагизмъ базаровскаго положенія заключается въ его полномъ уединеніи среди всѣхъ живыхъ людей, которые его окружаютъ. Онъ вездѣ производитъ своей особой рѣзкой диссонансъ, онъ всѣхъ заставляетъ страдать своимъ присутствіемъ и существованіемъ, онъ самъ это видитъ и понимаетъ, и понимаетъ кромѣ того съ мучительной ясностью роковыя причины и абсолютную неизбежность этихъ страданій. Люди, окружающіе Базарова, страдаютъ не отъ того, что онъ поступаетъ съ ними дурно, и не отъ того, что они сами дурные люди; напротивъ того, онъ не дѣлаетъ въ отношеніи къ нимъ ни одного дурного поступка, и они, съ своей стороны, также очень добродушные и честные люди. И тѣмъ хуже, тѣмъ мучительнѣе и безвыходнѣе ихъ положеніе. Нѣтъ причинъ для разрыва и нѣтъ возможности сблизиться. Нѣтъ возможности потому, что нѣтъ ни одного общаго интереса, ни одного такого предмета, который съ одинаковой силой затронулъ-бы умственные способности Базарова и его собесѣдниковъ. Ему приходится слушать ихъ, какъ пяти-лѣтнихъ дѣтей, рассказывающихъ, что вотъ они гулять ходили и вдругъ видятъ большую такую корову, и вдругъ эта корова подошла туда, знаете, къ рѣкѣ, и вдругъ начала пить. — Ну, такъ что-же? спрашиваете вы. — Ну вотъ, папилась и пошла. — А потомъ? — Потомъ мы домой вернулись. — Вотъ вамъ и весь анекдотъ. И, выслушавъ его, вы, изъ чувства естественной гуманности, должны тщательно наблюдать за вашей фізіономіей, чтобы на ней не выразилось изумленіе, чтобы ваши губы не сложились невольно въ улыбку сострадательнаго

недоумѣнія, и чтобы кромѣ того черты вашего лица изображали хоть малѣйшее участіе къ тому, что вамъ рассказывается съ чисто дѣтскимъ увлеченіемъ. Чуть только какой-нибудь мускулъ вашей фізіономіи утомился отъ этого неестественнаго напряженія и подернулся не въ тактъ этой усыпительной музыкѣ, и вся гармонія нарушена, и весь плодъ вашихъ долговременныхъ усилій пропалъ безвозвратно, и рассказчикъ, человѣкъ добрый и честный, искренно желающій васъ утѣшить и развлечь, оказывается глубоко и смиренно опечаленнымъ своей немоцностью и своей неспособностью дать вамъ то, чего-бы вы желали. Еслибы онъ васъ обругалъ въ эту минуту, вы бы этому обрадовались; но онъ тихо опечалится и замолчитъ; въ его душѣ будетъ только грусть, безъ малѣйшей горечи, но эту грусть вы въ немъ видите совершенно ясно, и совершенно независимо отъ его воли и его усилія скрыть отъ васъ эту грусть, то-есть не огорчить васъ, человѣка, огорчившаго его, — эти усилія, говорю я, дѣлаютъ его еще болѣе трогательнымъ въ вашихъ глазахъ; и вамъ больно было, и ему больно, и обоимъ грустно, что развѣдали другъ друга, и все-таки ничѣмъ, да вѣдь рѣшительно ничѣмъ, нельзя этому дѣлу помочь. Вотъ оно, дьявольское-то положеніе; вотъ что можетъ душу вытянуть изъ каждаго человѣка, способнаго мыслить и чувствовать. Я совѣтую читателямъ, получившимъ «Русское Слово» 1863 годъ, перечитать въ немъ повѣсть «Женитьба отъ скуки». Тамъ именно такой разладъ между мужемъ и женой приводитъ къ сумасшествію и къ самоубійству. Результатъ во все не преувеличенъ, и развитіе трагической дисгармоніи прослѣжено тамъ очень удовлетворительно. Но молодой мужъ и молодая жена по крайней мѣрѣ имѣютъ хоть какую-нибудь возможность разойтись; конечно этотъ образъ дѣйствій тягостенъ и сопряженъ со многими неудобствами; конечно трудно предположить, чтобы обоимъ разошедшимся супругамъ удалось устроить себѣ новое счастье; но все-таки есть выходъ, и во всякомъ случаѣ лучше одинокое и безцвѣтное существованіе, чѣмъ мучительное сожитіе. Но когда между родственниками и дѣтьми появился такой разладъ, какой мы видимъ между старыми Базаровыми и ихъ сыномъ, тогда и выхода-то никакого нельзя придумать. Евгений Базаровъ, разумѣется, можетъ отшатнуться отъ своихъ родителей, и его жизнь все-таки будетъ полна, потому что ее наполняетъ умственный трудъ. Но ихъ жизнь? И какой-же настоящій Базаровъ, какой мыслящій человѣкъ рѣшится оттолкнуть отъ себя своихъ стариковъ, которые только имъ живуть и дышать и которые слѣдали все, что могли, для его образованія. Эти старики буквально посадили его на своихъ плечахъ, чтобы онъ могъ ухватиться своими отроческими руками за нижнюю вѣтку дерева позна-

нія; онъ ухватился и полѣзъ, и залѣзъ высоко, и ходу нѣтъ назадъ, и спуститься невозможно, а имъ также невозможно подняться кверху, потому что они слабы и дряхлы, и приходится имъ аукаться издали, и приходится имъ страдать отъ того, что нѣтъ возможности разслышать и понять другъ друга; а между тѣмъ старики и тому рады, что слышать по крайней мѣрѣ неясные звуки родного голоса. Скажите, Бога ради, кто-же рѣшится, находясь въ положеніи Базарова, замолчать совершенно и не отвѣчать ни однимъ звукомъ на кроткія и ласковыя рѣчи, поднимающіяся къ нему изъ подъ дерева? И Базаровъ откланивается. — И странно, и мучительно волнуются и борются въ широкой груди Базарова ненависть и любовь, безошадный, стальной и холодный, судорожно улыбающійся, демоническій скептицизмъ и горячее, тоскливое, порою радостное и ликующее романтическое стремленіе вдаль, вдаль, но не прочь отъ земли, а впередъ, въ манищую, ласкающую, глубокую синеву необозримаго лучезарнаго будущаго. Почитайте Гейне, и вы поймете, вы увидите въ образахъ эту ужасную смѣсь мучительныхъ ощущений, которыми наградила всѣхъ мыслящихъ людей Европы наше общее историческое прошедшее. А покуда прочтите этотъ небольшой разговоръ Базарова съ Аркадіемъ.

«— Нѣтъ, говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію,—уѣду отсюда завтра. Скучно, работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я-же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ по крайней мѣрѣ запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ: „мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ, никто тебѣ мѣшать не будетъ“, а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запирается. Ну, и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится, промолвилъ Аркадій,—да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами что-ли она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.»

Такъ тебѣ и надо поступать, Аркашенька. Больше ты, другъ мой разлюбезный, ничего и дѣлать не умѣешь, какъ только глазки опускать. Заговорилъ было съ тобою Базаровъ сначала какъ съ путнымъ человѣкомъ, а ты только, какъ старушка божія, охами да вздохами отвѣчать ухитрился. Въ самомъ дѣлѣ, взглядитесь въ этотъ разговоръ. Базарову тяжело и душно; онъ видитъ, что и работать нельзя, да и для стариковъ-то удовольствія мало, потому что «выйдешь къ ней—и сказать ей нечего». Такъ ему приходится скверно, что онъ чувствуетъ потребность высказаться хоть кому-нибудь, хоть младенчеству кандидату Аркадію. И начинаетъ онъ высказываться отрывочными предложеніями, такъ, какъ всегда выска-

зываются люди сильные и сильно измученные: «Совѣстно какъ-то», «ну, и мать тоже», «вздыхаетъ за стѣной», «сказать ей нечего». Кажется, не хитро понять изъ этихъ словъ, что не гаерствуетъ онъ надъ своими стариками, что не весело ему смотрѣть на нихъ сверху внизъ, и что самъ онъ видитъ съ поразительной ясностью, какъ мало даетъ имъ его присутствие и какъ мучительна будетъ для нихъ необходимая разлука. Я думаю, умный человѣкъ, будучи на мѣстѣ Аркадія, понялъ-бы, что Базаровъ особенно заслуживаетъ въ эту минуту сочувствія, потому что быть мучителемъ, и мучителемъ роковымъ, для каждаго разумнаго существа гораздо тяжелее, чѣмъ быть жертвой. Умный человѣкъ хоть однимъ добрымъ словомъ даль-бы замѣтить огорченному другу, что онъ понимаетъ его положеніе, и что въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ нельзя помочь бѣдѣ, и что, стало быть, дѣйствительно слѣдуетъ залить тяжелое впечатлѣніе свѣжими волнами живительнаго труда. А Аркадій? Онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ ухватить Базарова за самое больное мѣсто:— «Очень она огорчится». Точно будто Базаровъ этого не знаетъ. И точно будто эта мысль даетъ какое-нибудь средство поправить дѣло. На это старушечье размышленіе Базаровъ могъ отвѣчать сокрушительнымъ вопросомъ:— Ну, а что-жь мнѣ дѣлать, чтобъ она не огорчалась? И тутъ Аркадій, какъ настоящая старуха, повторилъ-бы опять ту-же минорную гамму съ легкой перестановкой нотъ: «она очень огорчится». И такъ какъ изъ трехъ словъ можно сдѣлать шесть перестановокъ, то юный мудрецъ, повторивъ ту-же фразу шесть разъ, замолчалъ-бы, найдя, что онъ подалъ своему другу шесть практическихъ совѣтовъ, или шесть цѣлительныхъ бальзамовъ. Къ счастью, Базарову было не до диспутовъ съ этимъ пискливымъ цыпленкомъ. Онъ тотчасъ спохватился, вспомнилъ, что юный другъ его не созданъ для пониманія трагическихъ положеній, и сталъ продолжать разговоръ безъ всякихъ изліяній, въ самомъ лаконическомъ тонѣ. Но это плоское животное, Аркадій, не утерпѣлъ и произвелъ новое визжаніе, и опять еще грубѣе ухватилъ Базарова за больное мѣсто. «Мнѣ твою мать особенно жалко». Въ сущности, это изреченіе есть не что иное, какъ одна изъ шести возможныхъ перестановокъ. Но такъ какъ Аркадій взялся за перестановки очень хитро, то-есть сталъ выражать ту-же мысль *другими* словами, то надо было опасаться, что перестановокъ будетъ не шесть, а даже гораздо больше. Базарову предстояло утонуть въ волнахъ цѣлительнаго бальзама, и очевидно, было необходимо сразу заморозить потоки кандидатскаго сердоболія. Ну, а Базаровъ на эти дѣла мастеръ. Какъ сказалъ объ ягодахъ, такъ и закрылись хляби сердечныя. Аркадій опустилъ глаза, что ему необходимо было сдѣлать въ самомъ началѣ разговора.— А

наша критика?! А наша глубокая, пронизательная критика?! — Она съумѣла только за этотъ разговоръ укорить Базарова въ жестокости характера и въ непочтительности къ родителямъ. — Ахъ ты, Коробочка доброжелательная! — Ахъ ты, обличительница копѣчная! Ахъ ты, лукошко російскаго глубокомыслія!

VI.

Взглядъ Базарова на отца Аркадія, Николая Петровича, доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что Базаровъ желаетъ и старается сблизиться съ тѣми людьми старшаго поколѣнія, которые еще способны подвинуться впередъ. Но какъ сблизиться? Такъ-ли, чтобы Базаровъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ихъ сторону, или такъ, чтобы люди старшаго поколѣнія сами подошли къ Базарову и къ его идеямъ? То-есть, другими словами, готовъ-ли Базаровъ сдѣлать рядъ уступокъ, или, напротивъ того, онъ желаетъ переубѣдить другихъ? Я думаю, достаточно поставить этотъ вопросъ для того, чтобы считать его рѣшеннымъ. Человѣкъ, дѣйствительно имѣющій какія-нибудь убѣжденія, только отъ того и держится этихъ убѣждений, что считаетъ ихъ истинными. Онъ быть-можетъ ошибается; быть-можетъ онъ замѣтитъ со временемъ свою ошибку, и тогда, разумѣется, тотчасъ перемѣнитъ въ своихъ убѣжденіяхъ то, что окажется несогласнымъ съ истиной; но покуда онъ не увидитъ ясно несостоятельности своихъ мнѣній, пока эти мнѣнія не разбиты ни фактами дѣйствительной жизни, ни очевидными доказательствами противниковъ, до тѣхъ поръ онъ думаетъ по своему, считаетъ свои идеи вѣрными, держится за нихъ твердо и, изъ чистой любви къ своимъ ближнимъ, чувствуетъ желаніе избавить ихъ отъ того, что онъ, справедливо или несправедливо, считаетъ заблужденіемъ. Когда сходятся между собою два человѣка различныхъ убѣждений, оба искренно преданные своимъ идеямъ, оба добросовѣстно стремящіеся къ истинѣ и оба настолько просвѣщенные, чтобы понимать возмутительную пошлость нетерпимости, тогда каждый изъ нихъ, видя въ своемъ собесѣдникѣ честнаго человѣка и не имѣя причины ненавидѣть его, желаетъ открыть своему ближнему ту истину, которую онъ самъ обладаетъ. Одна изъ этихъ истинъ непременно оказывается заблужденіемъ; но тотъ, кто обладалъ этимъ заблужденіемъ, старался доставить ему побѣду, потому что видѣлъ въ немъ несомнѣнную истину. Можетъ-быть — мало-ли что бываетъ на свѣтѣ? — можетъ-быть, говорю я, Базарову и пришлось-бы въ чемъ-нибудь сдѣлать искреннюю уступку идеямъ старшаго поколѣнія, но все-таки Базаровъ не могъ подойти къ старшему поколѣнію съ желаніемъ сдѣлать ему эту уступку и съ той мыслью, что такая уступка возможна. Подобная мысль и по-

добное желаніе составляютъ уже дѣйствительную уступку и могутъ возникнуть въ человѣкѣ, искренно убѣжденномъ только вслѣдствіе фактическихъ доказательствъ, а никакъ не вслѣдствіе мягкости характера. Когда у человѣка есть дѣйствительно какія-нибудь убѣжденія, тогда ни состраданіе, ни уваженіе, ни дружба, ни любовь, ничто, кромѣ осязательныхъ доказательствъ, не можетъ поколебать или измѣнить въ этихъ убѣжденіяхъ ни одной мельчайшей подробности.

VII.

Еслибы отцомъ Базарова былъ Николай Петровичъ, крѣпкій и довольно образованный сорока-четырехъ-лѣтній мужчина, то Базаровъ можетъ-быть увлекъ-бы своего отца въ область реалистическаго труда, и представитель двухъ поколѣній съ любовью и съ взаимнымъ довѣріемъ стали-бы поддерживать и ободрять другъ друга. Молодой работалъ бы больше пожилого, но пожилой понималъ-бы его вполне и совершенно сознательно радовался-бы каждому отдѣльному успѣху своего младшаго товарища, на котораго это сочувствіе дѣйствовало-бы самымъ живительнымъ образомъ. О разладѣ не могло-бы быть и рѣчи, потому что, вполне понимая другъ друга, эти люди видѣли-бы, что между ихъ интересами нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей противоположности. Одинъ ищетъ истины, и другой также ищетъ истины, и эта истина для обоихъ одна и та-же, и эта истина не такое благо, которое, доставшись одному, не могло-бы въ то-же время принадлежать и другому. Стало быть, и дуться другъ на друга незначѣмъ, и надо только договориться до взаимнаго пониманія. Базаровъ очень хорошо знаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякая попытка договориться до какого-нибудь удовлетворительнаго результата совершенно бесплодна. Онъ никогда не пробуетъ серьезно разговаривать съ Ситниковымъ или съ Кукшиною, потому что эти господа очевидно изображаютъ своими особами бездонную бочку Данаидъ. Сколько въ нихъ не вали дѣльныхъ мыслей, хоть весь британскій музей опрокинь въ ихъ головы, все будетъ пусто и все будетъ проходить пассивно съ величайшей легкостью. Базаровъ не пробуетъ также вступать въ серьезные разговоры съ своими родителями, хотя эти родители вовсе не глупы отъ природы. Но договориться и съ ними невозможно: отецъ Базарова — славный и добрый старикъ, еще бодрящійся, но уже начинающій впадать въ дѣтство; а мать его даже никогда не переставала быть ребенкомъ, хотя и была постоянно примѣрной супругой, отличной хозяйкой и до самозабвенія нѣжной матерью. Такія личности, обладающія здоровымъ и нормальнымъ мозгомъ, но живущія и умирающія безъ пособія этого органа, встрѣчаются у насъ на каж-

домъ шагу и доказываютъ своимъ существованіемъ ту несомнѣнную истину, что время полного господства головного мозга надъ явленіями человѣческой жизни наступить еще очень не скоро. Такія личности живутъ такъ называемымъ чувствомъ, то-есть каждое впечатлѣніе не задерживаясь и не перерабатываясь въ ихъ мозгу ни одной минуты, немедленно переходитъ въ какой-нибудь поступокъ, въ которомъ эта поступающая личность никогда не спрашиваетъ у себя и никогда не можетъ дать себѣ ни малѣйшаго отчета. Такія личности приходится по душѣ нашему обществу и нашимъ художникамъ, которые дѣйствительно имѣютъ съ ними довольно много точекъ соприкосновенія; но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы такія личности могли имѣть особенно живительное вліяніе на медленно, страшно-медленное движеніе человечества къ свѣтлому будущему. Личности, подобныя старушкѣ Базаровой,—это ходячіе пуховики, часто очень привлекательные, и всегда приглашающіе своей симпатичностью полезныхъ работниковъ опочить до конца жизни отъ несодѣланныхъ подвиговъ и разумнаго труда. Съ этимъ милымъ, добродушнымъ, трогательно любящимъ и уже состарѣвшимся пуховикомъ Базаровъ конечно ни о чемъ не разсуждаетъ, потому что «и сказать ей нечего». Такимъ образомъ Базаровъ разговариваетъ только съ Аркадіемъ, съ Николаемъ и Павломъ Петровичами и съ Одинцовой. Самое серьезное значеніе для Базарова и самый серьезный результатъ во всѣхъ отношеніяхъ могли имѣть разговоры съ Одинцовой; они могли доставить Базарову счастье взаимной любви, и они-же могли дать обществу мыслящую женщину. Наслаждаясь разумнымъ счастьемъ, Базаровъ удесятерилъ-бы свои рабочія силы, и это приращеніе пошло-бы цѣликомъ на пользу общему умственному капиталу всего человечества. Одинцова, съ своей стороны, развернула-бы всѣ силы своего здороваго ума. Но такіе счастливые результаты получаются очень рѣдко. Почти всегда какая-нибудь ничтожная оплошность нарушаетъ процессъ развитія въ самомъ его началѣ, подобно тому, какъ самое легкое движеніе воздуха разстраиваетъ всѣ рассчеты химика и искажаетъ весь процессъ медленной и нормальной кристаллизаціи. Такъ случилось и въ исторіи Одинцовой. Ее испугала страстность Базарова, но слѣблы та-же страстность проявилась съ такой-же силой двумя или тремя мѣсяцами позднѣе, то Одинцова увлеклась-бы ею сама до полнѣйшаго самозабвенія. Впрочемъ объ отношеніяхъ реалистовъ къ женщинамъ я буду говорить впоследствии очень подробно.

Аркадій, мнѣ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на кусокъ очень чистаго и очень мягкаго воска. Вы можете сдѣлать изъ него все, что хотите, но зато, послѣ васъ, всякій дру-

гой точно также можетъ сдѣлать съ нимъ все, что этому другому будетъ угодно. Вы можете натереть имъ мебель и паркетный полъ: Аркадій исполнитъ это назначеніе въ совершенствѣ. Вы можете превратить его въ свѣчку: Аркадій будетъ таять и уничтожаться въ порывахъ самопожертвованія, и можетъ уничтожиться безъ остатка, если никто не догадается дунуть на свѣтильню; но этотъ процессъ самоистребленія будетъ постоянно совершаться только въ непосредственной близости самага огня и во время этого процесса вся свѣча будетъ совершенно холодна и равнодушна. Какъ только погаснетъ свѣтильня, немѣющая по своему составу ничего общаго съ воскомъ, такъ въ ту-же минуту прекратится всякое таяніе и пзыиваніе. Если вы—искусный скульпторъ, вы можете сдѣлать изъ этого восковаго Аркадія изящнѣйшую статуэтку и даже можете вложить въ складки его чела выраженіе глубокой задумчивости и міровой печали; но эту художественную бездѣлку вы непременно должны держать подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобы ея не засидѣли мухи; кромѣ того вы должны тщательно наблюдать, чтобы она не подвергалась вліяніямъ измѣнчивой температуры; попробуйте оставить ее на полчаса подъ лучами лѣтняго солнца, и она расплывется такъ удивительно, что ея творецъ, искусный скульпторъ, не будетъ въ состояніи узнать свое любимое произведеніе. Не только глубокая задумчивость, не только міровая печаль изгладятся безъ слѣда, но даже обыкновенныя черты человѣческаго образа ступаются до полного безличія. Но это ничего не значить. Если скульпторъ терпѣливъ, онъ можетъ немедленно взять свою отекшую креатуру въ свои искусныя руки и снова можетъ возстановить утраченное достоинство ея выраженія. Впрочемъ надо сказать правду, что такой терпѣливый скульпторъ окажется чистымъ художникомъ, то-есть человѣкомъ, работающимъ изъ любви къ искусству, безъ малѣйшаго стремленія къ практической пользѣ, потому что такая восковая статуэтка можетъ быть только очень бесполезнымъ и очень непрочнымъ украшеніемъ дамскаго будуара. Въ концѣ концовъ мухи засидятъ ее непременно до полного помраченія, и воскъ утратитъ всю свою первобытную чистоту, такъ-что статуэтку все-таки придется отдать въ распоряженіе полотеровъ для украшенія паркета. Говоря проще, подъ старость Аркадій все-таки сдѣлается бесполезнѣйшимъ, а можетъ-быть и дряннѣйшимъ тунеядцемъ. А старость, то-есть житье въ брюхо, для этихъ восковыхъ господъ начинается ровно черезъ годъ послѣ выхода изъ университета. Базаровъ разговариваетъ съ Аркадіемъ именно въ то время, когда послѣдній находится въ переходномъ состояніи изъ отрочества въ старость. Базаровъ видитъ своего такъ называемаго друга насквозь и ни-